

УДК 130.1

"Мистика" сна в размышлениях П.А. Флоренского

Е.А. Столярова

Философский факультет РГГУ, кафедра истории отечественной философии

Аннотация. В статье анализируются философские воззрения П.А. Флоренского на проблему сновидений, которая представлена им как проблема связи мира "видимого" и "невидимого", материального и идеального. На основе сравнительного анализа философии Платона, Аристотеля, психоанализа З. Фрейда автор раскрывает своеобразие символизма русского мыслителя, понимания им природы сновидения, трактовки основных символов сна; делается вывод о символическом, мистическом характере понимания сновидений русским философом.

Abstract. This paper analyzes the philosophical beliefs of P.A. Florensky concerning the problem of dreams. The problem is presented as a problem of interaction of "visible" and "invisible" worlds. Using comparative analysis of the philosophy of Plato, Aristotle, and Freud's psychoanalysis the author has revealed the identity of symbolism of the Russian thinker, his understanding of dreaming nature. The author has come to the conclusion about symbolic, mystical understanding of dreams by the Russian philosopher.

Ключевые слова: сновидения, душа и тело, идеализм, мистицизм, материальное и идеальное, символ, сознание, бессознательное
Keywords: dreams, body and soul, idealism, mysticism, material and ideal, character, consciousness and unconsciousness

1. Введение

Проблема символического в понимании мира, рассматриваемая П. Флоренским как проблема связи "двух миров" – видимого и невидимого, затронута им в работе "Столп и утверждение истины" и в наибольшей степени разработана в трудах: "У водоразделов мысли", "Философия культа", "Мнимости в геометрии". Это одна из важнейших проблем, поднимаемых современными учеными, исследующими онто-гносеологические аспекты бытия и их отражение в сознании субъекта. Истоки данной проблемы можно обнаружить уже в трудах Платона и Аристотеля, стремившихся понять связь материального и идеального (духовного), проникнуть в суть идей, установить истинность знания. Развитие науки, увлечение позитивизмом, западноевропейским рационализмом на рубеже XIX – начале XX века способствовали активизации интереса философской мысли в России к вопросу о способности человека, его возможности адекватно отражать мир. Под влиянием научных открытий, сопровождающихся изменением представлений об окружающем мире, сменой научной картины мира, меняются методологические принципы познания. Неклассическая наука, отказ от абсолютных систем отсчета, плюрализация мира в мировоззрении эпохи порождает неклассическое сознание, сосредоточившееся на осознании самобытности, на формах ее проявления и как результат – расцвет символизма, к которому примкнул П. Флоренский, заинтересовавшийся проблемой познания человека.

Флоренский стремился обосновать конечность физического мира и продемонстрировать существование границ двух миров. Символ Флоренский трактовал не только как чисто семиотическую единицу, но и как единицу онтологическую. Предлагая своеобразную иерархию символов, философ в качестве низших определил сновидения, высшими – символы богослужения. Пытаясь определить природу символа, автор указал на его антиномичность и трудность в осмыслении, что и продемонстрировал в своем понимании природы сновидения. Рассмотрение подхода Флоренского к сновидениям, как к своеобразному "мосту", связывающему два мира, является основной темой статьи.

2. Символика "двух миров" в трактовке сновидения П.А. Флоренским

Сновидения, по Флоренскому, проявляются в тот момент, когда мы вступаем на границу между сном и бодрствованием. Само состояние сна, согласно Флоренскому, есть "опыт жизни" души в ином мире, из которого с пробуждением она возвращается в реальный (видимый) мир. Сон является самой близкой ступенью к восприятию жизни в невидимом. На протяжении всей жизни человек балансирует на границе между двумя мирами – видимым и невидимым. Порой оба мира соприкасаются и на мгновение времени могут нами созерцаться. Флоренский считал, что сновидения возникают у человека только в тот период, пока он находится на границе двух миров. Потому как только он переходит полностью в иной мир, наступает крепкий сон без сновидений. Так как сновидение – это особое состояние, то и сознание, восприятие изменяется. Флоренский указывает на изменение последовательности причинно-

следственных связей: если поводом для явившегося сновидения стало внешнее действие (шум или ощущение), во сне его сила приобретает масштабы, не сопоставимые с реальным. Например, если человеку жарко и душно – во сне он может идти по пустыне под палящим солнцем и мечтать о глотке воды; если рядом со спящим упал стул, то во сне могут идти военные действия и повсюду разрываться мины. Основная мысль Флоренского заключалась в том, что наше сознание, пробудившись, воссоздает картину сна в верной последовательности, т.е. от того момента когда упал стул, и произвел эффект основополагающего "щелчка" для всего сна.

3. Течение времени в мире сна

Согласно П. Флоренскому, время во сне "выворачивается", "идет" в обратном направлении, не так как в мире видимом, от прошлого к будущему, а от будущего к прошлому. Сновидения обладают "трансцендентальной" мерой времени, скорость происходящих в них событий и смен сновидческих картин не соответствует никаким из знакомых нам состояний бодрствования (Флоренский, 1995). За один короткий сон можно пережить месяц или год непрерывных и соответствующих данным временным рамкам событий. С.М. Половинкин справедливо отмечает, что в философии сна Флоренского различаются: 1) "мгновенное время" – единый миг – время сна, текущее с бесконечной быстротой, сопровождающееся бесконечно быстрой сменой картин сновидения, в дальнейшем разворачивающихся в обычный временной ряд; 2) "обращенное время" – время, которое "выворачиваясь через себя само", при переходе через бесконечную скорость, получает обратный смысл своего течения – такое время обращено "от будущего к прошедшему, от следствий к причинам" (Половинкин, 2005).

Мы живем во сне отдельной своеобразной жизнью, так сказать иной жизнью в ином мире. Возможно, пишет Флоренский, время во сне может "течь и с бесконечной скоростью, может быть мгновенным... именно тогда наша жизнь переходит от видимого в невидимое, от действительного в мнимое" (Флоренский, 1995).

Отец Павел отмечал, что рассмотрением сновидений мало кто занимается всерьез, большинству это кажется бессмысленным занятием, именно поэтому редко проводится параллель с событиями, сопутствующими сну. Возможно, что именно они и являются причиной и поводом для разворачивающейся бурной фантазии во снах.

Появляющиеся в наших снах персонажи, места, фантастические и вполне реальные, во сне являют собой последовательность, пусть чудную, но связывающую все происходящие и приводящие к некому смыслу. Это не скопление вырезанных кусочков из бумаги, кадров из разных фильмов, сновидение – это яркое, сшитое из разных тканей с разными узорами, цельное полотно.

Флоренский считал: раз сон развивается "из конца в начало", то логично было бы утверждать, что события сна подстраиваются под запланированную развязку. "Нет сомнения, сновидения разбираемого типа суть целостные, замкнутые в себе единства, в которых конец, развязка предусматривается с самого начала и, более того, собою определяет и начало как завязку, и все целое" (Флоренский, 1995).

Пример сновидения, явившегося реакцией на звон будильника: "Весенним утром я отправляюсь погулять и, бродя по зеленым полям, прихожу в соседнюю деревню. Там я вижу жителей деревни в праздничных платьях, с молитвенниками в руках, большою толпою направляющихся в церковь. В самом деле, сегодня воскресенье и скоро начнется ранняя обедня. Я решаю принять в ней участие, но сперва отдохнуть немного на кладбище, окружающем церковь, так как я немного разгорячен ходьбою. В это время, читая разные надписи на могилах, я слышу, как звонарь поднимается на колокольню, и замечаю на верхушке ее небольшой деревенский колокол, который должен возвестить начало богослужения. Некоторое время он висит еще неподвижно, но затем начинает колебаться – и, вдруг, раздаются его громкие, пронзительные звуки, до того громкие и пронзительные, что я просыпаюсь. Оказывается, что эти звуки издает колокольчик будильника" (Флоренский, 1995).

Обращает на себя внимание и представление Флоренского о пространстве. Он выделяет два вида пространства – мнимое и действительное. Одно и то же явление, воспринимаемое из области действительного пространства – являющееся в нем действительным, при восприятии из области мнимого пространства будет мнимым. Так что события, происходящие в сновидении, действительно кажутся мнимыми и невозможными в состоянии бодрствования, так же в состоянии сна мы не воспринимаем действительность такой, какая она есть на самом деле, мы ее трансформируем.

Сновидение сближает нас с иным миром, оно является нам в образах и символах, знакомых из опыта посюстороннего мира, но заложенная и передаваемая информация относится к миру иному. По мнению Флоренского, власть иного мира в наших сновидениях безгранична. "Сновидение насыщено смыслом иного мира, оно – почти чистый смысл иного мира, незримый невещественный, непреходящий, хотя и являемый видимо и как бы вещественно. Оно – почти чистый смысл, заключенный в оболочку

тончайшую, и потому почти всецело оно есть явление иного мира, того мира. Сновидение есть общий предел ряда состояний дольных и переживаний горних, границы утончения здешнего и оплотнения тамошнего" (Флоренский, 1995). Во сне мы встречаемся с переживаниями, непосредственно исходящими из опыта повседневности, и с теми переживаниями, что приходят к нам из мира иного. Поэтому то, что мы видим в сновидениях, можно представить в виде двух этапов. Первый этап, когда мы собираемся отойти ко сну, все накопившиеся в нашей душе переживания, выступают наружу и создают образы, сформировавшиеся из этих переживаний, именно поэтому первый сон, наступающий после засыпания, и являет нам столь знакомые ситуации, которые порой кажутся продолжением дневных событий. И второй этап, когда мы приближаемся к пробуждению. Проведя всю ночь спящими, т.е. "с сознанием, путешествующим в ином мире", мы накопили и восприняли опыт, основанный на переживаниях мира иного. Поэтому сновидениям, приходящим под утро, подытоживает философ, свойственна мистичность образов и отдаленность от столь обыденных переживаний повседневности.

4. П.А. Флоренский о мистическом символизме опыта сновидений

Самые мистические, "проникнутые вечностью" под утренние часы сны, "с очищенной от всех забот и здешних проблем" душой, душой побывавшей в мире чистых откровений и образов, от которых в ней остались частичные воспоминания, Флоренский назвал "образами нисхождения", возникшими из опыта мистической жизни. Сны же при засыпании – "восхождение в мир горний", когда душа очищается от того, что свойственно ей здесь, и освобождается для восприятия образов и символов "горнего". "Символизм – воплощает в действительных образах иной опыт, и тем, даваемое им, делается высшей реальностью" (Флоренский, 1995). При встрече с образами "мира иного", существует опасность того, что человек в них увидит то, что свойственно его "здешнему" образу. Слишком велик соблазн соприкоснуться с Божественным откровением, но земные желания, эмоции, чувства, земной опыт могут заслонить являемое нам иным миром. Фантазируя, приукрашая, мы ошибочно можем принять опыт действительности за мистический опыт. Флоренский говорит, что вероятность обмана и самообмана на грани миров велика. Здешний мир боится нас отпускать в иные просторы, ведь мы являемся его созданиями, и посему он нам ближе.

Сколь бы велико не было наше желание постигнуть таинства иного мира, мы можем попасть в ловушку "духовной прелести" (Флоренский, 1995). «Духовная прелесть» цепляет нас и удерживает на земле сильнее всех возможных грехов, потому как грешник осознает свое отдаление от Бога, и может покаяться, а прелесть не считает себя греховной. В ней самообольщение, питающееся той или иной страстью, и наиболее опасной из всех – гордостью, не ищет себе внешнего удовлетворения, но направляется, или скорее мнит себя направленной по перпендикуляру к чувственному миру, от выхождения из чувственного ее удерживают границы этого мира, она замкнутая и боится столкновения с этим миром" (Флоренский, 1995). Только если прелесть осознает, что страсть это слабость, опасность и грех, и воспримет свои действия как греховные и смирит свою гордыню, она приблизится к очищению души. Душа же, замкнутая на своих земных проблемах, или мнящая себя от них свободной, но в действительности прикованная ко всякого рода земным страстям, не может прозреть и постичь явления иного мира. Душа должна очиститься и осознать свои привязанности для того, чтобы явленный ей мистический опыт был распознан верно.

Основная идея Флоренского сводится к тому, что сновидения – это граница между мирами, миром видимым и невидимым. Оказавшись на этой границе, душа привносит с собой из мира видимого, действительного информацию, от которой нужно избавиться, чтобы она не искажала воспринимаемые образы мира иного. Но на это способна не каждая душа, поэтому многие души возвращаются в свой земной мир с тем же, с чем и пришли. И порой сознание ошибочно принимает вернувшуюся информацию за мистические откровения. Обычно сознание ходит по самому краю у границы миров и страшится углубиться.

Понимание сна и сновидения исторически всегда было связано с той или иной онтологией и антропологией, о чем свидетельствуют, например, размышления Аристотеля в трактате "О предсказаниях во сне", который совсем недавно был переведен на русский язык. "В самом деле, нелепо получается (...), что если [сны] посылает бог, то он посылает их не самым хорошим и благоразумным, а кому придется. Если же отрицать бога как причину вещей снов, никакое другое объяснение не кажется основательным, ибо принято думать, что требуется разумение, превосходящее человеческое, чтобы объяснить, почему некоторые могут предвидеть, что произошло у Геркулесовых Столпов или на берегах Борисфена. (...) В общем, поскольку прочим животным тоже что-то снится, то сновидения нельзя считать ни посланными от бога, ни предназначенными для [предсказания] (хотя они, конечно, причастны божественному: природа подвластна божествам (δαίμονια), но она не божественна (οὐ θεία). В доказательство можно привести тот факт, что вполне заурядные люди выступают как провидцы и

ясновидцы, значит, не бог посылает им их сны. Дело в том, что некоторым людям, по природе своей болтливым и возбудимым, мерещатся всевозможные видения, а поскольку с ними случаются различные происшествия, бывает им везет, и некоторые из их видений соответствуют действительным событиям, – но таково же везение игроков в чет и нечет" (*Аристотель*, 2010). Позиция Аристотеля определена, как подчеркивают исследователи, его принципиальной позицией, согласно которой душа есть особая форма тела, его энтелехия. Поэтому чувственное восприятие, в том числе сон и бодрствование, для Аристотеля не являются особенным свойством одной только души, или только тела, – но общее душе и телу. Соответственно, во время сна душа не может действовать независимо от тела, т.е. познавать в некоем чистом состоянии истину или общаться напрямую с богами. В этом смысле значительно более перспективным было учение Платона, так как оно допускало самостоятельное существование души вне тела и домирное созерцание души вечного мира эйдосов (*Солопова*, 2010). В этом смысле о "мистике" сна применительно к взглядам Флоренского можно говорить вполне буквально.

В мировоззрении Флоренского мистический взгляд на мир, несомненно, доминировал. Как писал сам мыслитель: "Отрицать существование странного, непонятного нам до сей поры особого мира явлений, поражающих иной раз наши уши, иной раз глаза, нет никакой возможности, и поверьте, что страх и ужас нашего земного организма только внешнее выражение тех страданий, которым подвергается живущий в нем дух под гнетом этих явлений". <...> Все чудесно, все пронизано таинственными силами и их деятельностью, только – в одном случае это более явно, в другом – не так" (*Флоренский*, 2007).

В христианстве, писал Флоренский, – "есть таинства, заменившие языческую магию. Мы исповедуем абсолютную, бесконечную личность, абсолютный идеал Христа, его воплощение здесь, на земле. Общение человека и человечества с абсолютной Личностью – Богом и есть таинство. Но это "белая магия", магия светлая, благодатная христианская. ... Молитвы это не абстракция, это живое общение" (*Флоренский*, 1990). Протестантизм, говорил он, тоже религия, но ее общение с Богом сводится к понятиям. У протестантов магии нет и быть не может.

Вообще, огромное значение отводится "магии" в восприятии мира о. Павлом. Вот что об этом в своей работе пишет Лосев: "Магия. Магия слова. Слово магично. Магия – встреча живого человека с живым веществом, в отличие от науки – там встреча понятия с понятием. Магия в жизни – живое общение живого с живой действительностью [с обратной связью. – П.В.Ф.]. Имени с именем. Это союз. Неважно, какой. Союз любви или союз ненависти – но союз. Поэтому магия есть живое, жизненное (одухотворенное) общение живого человека с живой природой. Это реальность, являющаяся предметом веры. Никакой религии без магии, понимаемой так широко – общение, – нет и быть не может. Да и само слово – религия – означает связь. А христианство – это тоже связь, связь человека с истинным Богом. Мысли эти позже вошли в работу "Философия культа" (*Лосев*, 1990).

Видения, хотя бы даже и сонные, приходящие в трезвом состоянии – есть не обольщение, но "знамение завета" (*Флоренский*, 1992), удостоверяющее нас в реальности горнего мира. "Это видение объективнее земных объективностей. Полновеснее и реальнее, чем они; оно – точка опоры земному творчеству, кристалл, около которого и по кристаллическому закону которого, сообразно ему, выкристаллизовывается земной опыт, делаясь весь, в самом строении своем, символом духовного мира" (*Флоренский*, 1992).

Флоренский был знаком с теорией психоанализа Фрейда, это видно уже из приведенных им примеров сновидений. Как отмечал исследователь психоанализа Херсонский, в одной из своих работ, сновидения чаще воспринимают, как результат "нервного" напряжения, и реже отдают во власть сновидений наши "психические" процессы. Сам Флоренский отводил наибольшую роль именно внешним явлениям, которые оказывают свое влияние на наши органы чувств. Но в то же время – и это имело для русского религиозного мыслителя принципиальное значение – хотя засыпаем и просыпаемся мы под влиянием внешних факторов, наше сновидческое состояние, в определенной мере, всегда соприкасается с чем-то глубочайшим образом внутренним.

5. Заключение

Таким образом, как представлено выше, для Флоренского опыт сновидения – это "опыт" путешествия в "иное". Сновидения – это образы, которые отделяют видимый мир от мира невидимого, отделяют и, вместе с тем, соединяют эти миры. Сновидения по своему характеру символичны, насыщены смыслом "иного" мира, незримого, невещественного, непреходящего, но, вместе с тем, и "видимого", "вещественного", что и проявляется в символах. Можно сказать, что понимание сна П. Флоренским носит фундаментально символический характер. И в контексте его творчества это совершенно логично. Ведь как утверждал мыслитель: "Бытие, которое больше самого себя, – таково основное определение

символа. Символ – это нечто, являющее собою то, что не есть он сам, больше его, и, однако, существенно чрез него объявляющееся" (Флоренский, 1990).

Литература

- Аристотель.** О предсказаниях во сне. В кн.: *Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы)*. М., Кругъ, с.169, 171, 2010.
- Лосев А.Ф.** Термин "магия" в понимании П.А. Флоренского. В кн.: *У водоразделов мысли*. М., Правда, с.22-24, 1990.
- Половинкин С.М.** Реальность 1920-1930-х годов и "Мнимости геометрии" священника Павла Флоренского. СОФИЯ: Альманах: Вып. 1: А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. *Уфа, Здравоохранение Башкортостана*, с.231-244, 2005.
- Солопова М.А.** Возникновение науки о снах и сновидениях в Древней Греции. В кн.: *Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы)*. М., Кругъ, с.164-165, 167, 2010.
- Флоренский П.А.** Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. М., *Московский рабочий*, с.210-216, 245, 1992.
- Флоренский П.А.** Иконостас. СПб., *Мифрил, Русская книга*, с.37-52, 1995.
- Флоренский П.А.** Имена. М., Изд. "Эксмо", с.359-361, 2007.
- Флоренский П.А.** У водоразделов мысли. М., *Правда*, с.279, 1990.